

ДМИТРИЙ ПЕЧАК

стоянием. Ты как будто идешь по паутине, на ней балансируешь. Люди — это нежнейшие существа.

— Можете сказать, какая черта объединяет ваших учеников?

— Желание работать в театре и амбиции. Для актеров амбиции — это дело хорошее, как мне кажется. Может, я не права. Они должны быть амбициозны, они же все время находятся в соревновании. Это очень тяжело. Но что делать, это их выбор. Те, которые не выдерживают, уходят.

— Это так. В российском театре, особенно московском, много перемен. Происходит смена руководства во многих ведущих театрах. В связи с этим очень много слухов.

— Я могу говорить только про два театра, в которых работаю. Сергей Васильевич Женовач — я его знаю с поступления в ГИТИС. Он учился на том курсе, на котором я преподавала танец. И поскольку я так давно знаю этого человека, мне кажется, что знаю я его очень хорошо. Это тонкий, интеллигентный, ранимый и в то же время очень принципиальный и жесткий человек. Говорить о нем как о большом режиссере бессмысленно, потому что все уже об этом сказано. Сергей Васильевич — человек, для которого главное в жизни — это театр, и ничего кроме театра у него нет, так было всегда. Я очень надеюсь и очень хочу, чтобы Сергей Васильевич был здоров, чтобы у него были резервы для того, чтобы сделать все, что он задумал. А задумал он много хорошего.

Вова, Владимир Машков. Ну, это электростанция. Мы давно дружим. Многие его не понимают и смущаются, пишут какие-то глупости, что он слишком активный. Но это его природа, природа его темперамента. Когда он рядом — это же какое-то чудо, как он меняется, как теплеют, как меняются его глаза. Я за ним наблюдаю как за явлением природы. И обожаю! Просто обожаю и принимаю его со всеми его вспышками, взрывами. Во-первых, потому что я такая же, а во-вторых, это замечательные качества актерского организма.

— Спектакль «Катерина Ильвовна» (Театра Табакова), за который вы получили

награду правительства Москвы, вы пересмотрели. Расскажите, пожалуйста, что в нем изменилось?

— Это очень интересная история. Когда мне Владимир Львович сказал: «Давай человек 30 в спектакль введем из колледжа?», моя моментальная реакция была: еще чего, что за глупости! Но потом я передумала: дай-ка я сделаю, что мне говорит Машков. Он просто в десятку выстрелил, потому что одно дело, когда было 20 человек на сцене, другое — 50! И все в красных одеждах — это же бешеная энергия совершенно. Просто браво!

— Это правда, что музыку к этому спектаклю вы искали чуть ли не в экспедициях?

— Я восемь месяцев собирала только архивный фольклор, который добывался в экспедициях. И счастлива, что теперь у меня этот архив есть. К сожалению, такие экспедиции уходят в прошлое. Мы теряем исконность нашего фольклора. Это катастрофа.

— Давайте поговорим о вашей недавней премьере — «Бале» в МХТ им А. П. Чехова.

— Да. Им мы не просто закрыли 2018 год в МХТ, мы закрыли все планы, которые были выстроены Олегом Павловичем. Наш спектакль закрыл эпоху Табакова. Это ужасно звучит, но это так.

— Что вас заставило обратиться к истории? К страшному XX веку?

— Я человек XX века, но прекрасно мимикрирующий в XXI, благодаря своему необъятному любопытству, своим студентам и своим детям. Но моя жизнь в том, другом веке, была прекрасной. Она была ужасна, безумна, трагична, но и прекрасна. Жизнь богата амплитудой раскачивания маятника существования.

— В России он, наверное, всегда раскачивается.

— У всех по-разному. Кто-то живет бессобытийно, а кто-то живет суперсобытийно, это зависит от человека. Я прожила и проживаю суперсобытийную жизнь, общалась и общаюсь с гениями. К счастью, понимание, что кто-то — гений, ко мне приходит тогда, когда его гением мало кто еще считает и сам он еще юн и наивен.

В ТЕАТРЕ ТЫ ДОЛЖНА ПОВЕСТИ

за собой огромное количество людей, захватить их в поле своей энергии

Юдашкина. Я знаю точно: Валя все сделает идеально. Настолько чутко работающий человек, настолько профессиональный. И просто очаровательная личность.

— Мы не можем раскрыть тайну и сказать, кто играет?

— Я вам обязательно скажу. У меня будет две героини. Одна Элиза, я очень надеюсь, Аня Чиповская, а вторая — это Даша Антонюк. Они обе мои ученицы, обе прекрасные, прелестные девочки, талантливейшие. Даша кроме всего прочего — победительница «Голоса» на «Первом канале», с фантастическими, богатейшими от природы вокальными данными.

— Это будет мюзикл?

— Музыкальный спектакль.

— Когда говорят о ваших спектаклях, всегда затрудняются определить жанр. Хореографическая драма, пластический театр, музыкально-драматический театр — нетеатралу это вообще непонятно.

— Непонятно. Мне самой непонятно. Драматический театр — это где у актера два средства выразительности на сцене — голос и движение. Я не люблю слово «пластика», потому что я сразу представляю, как кому-то режут лицо. Все думают, хореография — это танец. Это не так. Хореография — это поворот головы, это мимика, это жест, это бытовые движения. Вот этим я и занимаюсь. Мизансценой. Точнее, театром, в котором мизансцена становится главным языком, на котором разговаривают артисты.

— Хореография и балет всегда считались частью национального достояния. Сейчас они теряют позиции и на родине, и в мире. Почему?

— Любый театр должен развиваться, у нас это развитие происходит в минимальной степени, у нас нет свободы самовыражения. Это не зависит ни от образования, ни от культуры, это зависит от ментальности. Я это точно знаю, поскольку я объездила весь мир и пересмотрела все, что только можно пересмотреть.

Балет у нас — это застывшая форма, на уровне классической лексики. Но ведь лексика должна развиваться, как развивается все вокруг. Человек не может разговаривать так, как разговаривали во времена Пушкина.

— Но наш театр сегодня стремится быть европейским.

— Это плохо. Надо быть русским театром прежде всего. Но мы вообще почему-то стесняемся самих себя. У нас гениальная, богатейшая культура. Почему мы все время наряжаемся «под них», разговариваем «под них»? Это неправильно. Я открыта миру, я не сижу в своей скорлупе. И все-таки... Главное — познать и реализовать собственную индивидуальность в пространстве культуры своей страны.